

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Д.А. Савченко*

«ПЕРЕВЕТНИКУ ЖИВОТА НЕ ДАТИ»: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОМОЩЬ ВРАГУ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ

Аннотация: В работе исследуются основания и содержание ответственности за перевет как первое государственное преступление, упомянутое в актах древнерусского законодательства. Отмечено, что перевет представлял собой тайное оказание информационной и иной помощи врагу псковской городской общины. Доказательством вины переветника была в первую очередь переписка с врагом. Перевет был именно государственным преступлением в том смысле, что он посягал на интересы безопасности всего государственно организованного псковского общества. Расправа с переветниками (повешение и сбрасывание с моста) издревле была известна вечевому и княжескому правосудию Северо-Западной Руси и регламентировалась правовыми обычаями. В христианскую эпоху смертная казнь за перевет в форме повешения и сожжения была санкционирована Градским законом, включенным в Кормчую книгу. В статье анализируются тексты Псковской судной грамоты и летописные сообщения, в которых упоминается о наказании переветников. Положения Псковской судной грамоты рассматриваются во взаимосвязи с правовыми обычаями Северо-Западной Руси, предписаниями Кормчей книги и княжеских грамот. Дается сопоставительная характеристика норм древнерусского права и правовых норм Древнего Рима и средневекового Китая. Сделан вывод о том, что предписание Псковской судной грамоты «переветнику живота не дати» не вводило перевет как новый вид преступления и не устанавливало за него смертную казнь как новый вид наказания. Вместе с тем оно регламентировало имущественные последствия перевета. Псковская судная грамота лишала преступника возможности распорядиться нажитым им имуществом («животом»), которое обращалось в пользу городской общины. Это делало для переветника невозможным откупиться от смерти, а также передать имущество по наследству. Тем самым перевет и другие виды преступлений, к которым относилось правило «живота не дати», были выделены в особую категорию, по своим правовым последствиям схожую с «непрощаемыми» преступлениями китайского средневекового права и «наследственными» преступлениями права Древнего Рима.

Ключевые слова: Древнерусское право, Псковская судная грамота, государственные преступления, перевет, измена, информационная помощь врагу, «живот», смертная казнь, имущество, ответственность.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.5.10810

1. Одной из первых норм, посвященных государственными преступлениям, которые были закреплены в русских письменных законодательных актах, является положение Псковской судной грамоты (ПСГ) об ответственности за перевет.

© Савченко Дмитрий Александрович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления [s-d-63@mail.ru]

630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.

Уже в начальных статьях грамоты¹ было записано: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати».

В историко-правовой литературе утвердилось мнение о том, что в этой статье названы «тягчайшие преступники, которых знает ПСГ»², а именно: два вида воров («татей») – кримской и коневой, поджигатель («зажигатель») и переветник. В то же время содержание деяний этих преступников ПСГ не описывает. Это значит, что суть всех упомянутых преступлений была достаточно хорошо понятна для Пскова.

Псковская судная грамота не устанавливала ответственность «нового вида» преступников и не создавала новые составы преступления. Она скорее отразила криминологическую реальность того времени – то есть достаточно устойчивую распространенность таких преступлений, которая требовала существования соответствующих правил реагирования на них со стороны псковского правосудия.

Так, в отношении перевета И. Д. Мартысевич отмечал, что случаи наказания за это преступление нашли отражение в летописях уже при описании событий XIII века³. А Ю. В. Оспенников обратил внимание на еще более раннее использование слова «перевет» – в летописном сообщении, относящемся к затяжному конфликту 1167 года между новгородцами и князем Святославом: «Новгородьци же... убиша Захарю посадника, и Неревина... яко творяхуть е перевет дръжаще къ Святославу»⁴.

Как справедливо отмечал Д. А. Червонецкий, «прежде чем наше древнее законодательство упомянуло о государственных преступлениях, вероятно, немало уже «переветников»... подверглось расправе со стороны населения и государственной власти»⁵.

2. Перевет в современных изданиях традиционно трактуется как «измена, переход на

сторону врага»⁶, а переветник – как перебежчик на сторону врага, государственный изменник⁷. Большинство авторов понимают перевет как государственную измену⁸. В то же время такое толкование требует уточнения.

Раскрывая содержание деяния переветника на основе грамматического толкования Псковской судной грамоты следует учитывать, что во времена ее составления слово «измена» для обозначения преступления или иного осуждаемого деяния еще не применялось. Так, в ст. 50 ПСГ слово «измена» употреблено в смысле «изменение, различие», а словосочетание «измены нет» как «нет разницы»: «...А не запечатает князь ино у Святой Троицы запечатать, в том измены нет», что означало уравнивание в данном случае юридического значения княжеской и церковной печати⁹.

Понятие уголовно наказуемой измены как довольно широкой категории преступлений, связанных с несоблюдением присяги на верность государю («крестного целования»¹⁰), получит развитие позже – в Московском государстве XVI в. Именно здесь, вероятно, деяния, соответствовавшие по своему содержанию псковскому перевету и совершаемые вопреки клятве верности монарху, стали расцениваться как разновидность государственной измены. В то же время перевет, в понимании составителей Псковской судной грамоты, предполагал более конкретные формы поведения.

В древнерусском языке слово «перевет» означало прежде всего «тайное известие», «тайная передача известий», а словосочетание «перевет держати, имети к кому-либо» – «быть в тайных сношениях с кем-либо»¹¹. При этом социальная и правовая оценка перевета зависела от того, с кем или на кого «держал перевет» тот или иной человек. Перевет «с недругом» или перевет «на своих» заслуживали осуждения.

¹ Всего в тексте Псковской судной грамоты принято выделить 120 статей. Анализируемая статья обычно публикуется под номером 7. Алексеев Ю. Г. предложил собственную разбивку грамоты на статьи. Указанную норму он считает пятой статьей, в которую, по его мнению, входит и последующее правило: «Что бы и на посад(е) но крадется ино двжды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изли(чи) в, живота ему не дати, крам кромьскому татю». См.: Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 44.

² Там же.

³ Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 96.

⁴ Оспенников Ю. В. Перевет и поджог в древнерусском праве // Право и политика. 2008. № 6. С. 1517.

⁵ Червонецкий Д. А. Государственные преступления по русскому праву. Юрьев, 1913. С. 2.

⁶ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 349.

⁷ Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 45.

⁸ Памятники русского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси. М., 2013. С. 284.

⁹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. Ч. 2 (Е–К). М., 1989. С. 1067.

¹⁰ Савченко Д. А. «Государю хотети добра во всем»: присяга подданных московскому царю (начало XVII века) // Актуальные проблемы русского права. 2013. № 8. С. 941.

¹¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 6. М., 1988. С. 367. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1989. С. 218. Для иллюстрации здесь приведен пример из летописи 1330 г. о событиях 1255 г., который показывает, что имеются в виду тайные известия военного характера: «Идущую Олександрю съ многими полкы... сrete и Ратишка с переветом: поступи, княже, брат твои Ярославъ побегль».

Со временем слово «переветный» стало, вероятно, применяться прежде всего с негативным подтекстом – как «относящийся к тайным сношениям с противником»¹², врагом, с тем, кто стремится причинить вред. Ведь, по общему правилу, считалось, что сохранять в тайне люди стремятся лишь неблагоприятные, осуждаемые обществом проступки.

Поэтому переветник – это прежде всего «тот, кто тайно сносится с противником»¹³, вступив с ним в заговор. Переветник – тайный союзник, советник врага, который не только и не столько физически переходит, «перебегает» на его сторону, сколько оказывает ему информационную и иную помощь – передает неприятелю «тайные вести»¹⁴. Доказательством вины переветника была в первую очередь переписка с врагом. Так, псковские летописи говорят о том, что обвиненный в 1435 г. в перевете митрополит Герасим был казнен после того, как у него были обнаружены «переветные грамоты»: «Князь великий Свитригаило выня грамоты переветныя оу митрополита Герасима, и окова его железы, и повеле его огнем сожещи»¹⁵.

Нельзя исключить, что в древнерусском языке слово «перевет» могло означать любую тайную передачу как общественно значимой, так и чьей-то личной информации. В то же время Ю. В. Оспенников обоснованно подчеркивает, что упоминаемый в летописях перевет, как правило, означает предательство «корпоративных интересов определенной общности»¹⁶.

При этом Псковская судная грамота, безусловно, говорит о перевете, затрагивающем интересы всего Пскова. Переветник оказывал помощь тем, кто причинял Господину Пскову вред. По своей социальной сути перевет представлял собой предательство основных, жизненно важных интересов городской общины¹⁷, связанных прежде всего с обеспечением ее безопасности.

Перевет был именно государственным преступлением в том смысле, что он посягал на интересы безопасности всего государственно организованного псковского общества (то есть

государства в широком смысле слова), а не только на интересы его отдельных представителей, в том числе и наделенных публичными властными полномочиями (князя, посадника и др.). Как отмечал Д. А. Червонецкий, «государственное преступление древних эпох являлось не чем иным, как посягательством против самого общегития и носило ярко выраженный антисоциальный характер»¹⁸.

Специальное упоминание о перевете в Псковской судной грамоте свидетельствует о том, что для Пскова это преступление не было редким, причем здесь уже достаточно глубоко была осознана его высокая общественная опасность.

Исследователи неоднократно отмечали, что указанное обстоятельство во многом связано с особым, пограничным положением Пскова. И. Д. Мартысевич по этому поводу писал: «Не случайно понятие перевета появилось впервые во Пскове и Новгороде. Эти республики граничили с Литвой и владениями немецкого Тевтонского ордена»¹⁹. Ю. Г. Алексеев развивает это положение: «Вопросы обороны от внешнего врага выдвигаются в пограничном городе – северо-западном форпосте Русской земли – на одно из самых первых мест. Войны с Орденом и Литвой наполняют всю историю господина Пскова...»²⁰.

Вместе с тем приведенные Ю. В. Оспенниковым примеры упоминания о переветниках в новгородских и псковских летописях показывают, что наказуемым переветом здесь признавалась помощь не только иноземцам, но и врагам города из числа русских князей и должностных лиц, которые были обвинены в невыполнении своих обязательств перед Новгородом и Псковом или нарушении прав горожан (1167 г. – князь Святослав, 1209 г. – посадник Дмитро Мирошкинич, 1228 г. – тысяцкий Вяцеслав, 1268 г. – князь Юрий, 1316 г. – князь Михаил). Та или иная группировка, проигравшая во внутривластической борьбе, «представлялась в качестве предателей интересов городской общины в целом, что и приводило к расправе с проигравшими, как с переветниками»²¹.

Тот факт, что исторически первым видом государственных преступлений в Древней Руси стал перевет, не является для всемирной истории права уникальным. Ведь преступление это, очевидно, имело широкое распространение «в военном быту древних государств»²². Право-

¹² Там же. Здесь приведены примеры из летописей, повествующие о применении смертной казни к тем, кто «перевет держал»: «...И биша и на вечи, и свергоша и с моста в Волхов: творяхуть бо е(г) перевет державше к Михаилу... (1316)».

¹³ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1989. С. 218.

¹⁴ Червонецкий Д. А. Указ. соч. С. 3.

¹⁵ Псковские летописи. Вып. 1. М., 1941. С. 43.

¹⁶ Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2007. С. 464.

¹⁷ Памятники российского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси. М., 2013. С. 22.

¹⁸ Червонецкий Д. А. Указ. соч. С. 4.

¹⁹ Мартысевич И. Д. Указ. соч. С. 96.

²⁰ Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 45.

²¹ Оспенников Ю. В. Перевет и поджог в древнерусском праве // Право и политика. 2008. № 6. С. 1517–1520.

²² Червонецкий Д. А. Указ. соч. С. 3.

вые нормы о наказании за помощь врагу, как правило, возникали уже на достаточно ранних этапах формирования государственности.

Схожая ситуация наблюдалась, в частности, в Древнем Риме. Первыми государственными преступлениями здесь были преступления «*perduellio*»²³, то есть «дурная, плохая война» или «война против римского народа». Слово «*perduellis*» (от *per* – очень и *duellis* – враг) служило для обозначения как врага, так и того гражданина, который действовал вместе с врагом. *Perduellio* понималось как враждебное стране деяние, прежде всего побег к неприятелю²⁴.

М. Бартошек писал, что первоначально так называлось серьезное нарушение гражданских свобод, в том числе предание римского гражданина смерти без суда, а также любой сговор с неприятелем или дезертирство. Наказанием была смертная казнь²⁵.

Ф. Любкер отмечал, что «*perduellio*» обозначало враждебные отношения гражданина против своего отечества, выражавшиеся или в агитации против государственного устройства или в союзе с внешним врагом (измена отечеству, *proditio* (сообщение, выдача, разглашение, предательство), дезертирство и т.п.). Осужденного подвергали бичеванию, окутав голову, и затем вешали на *arbor infelix* (на виселице)²⁶.

В республиканский период древнеримской истории понятие «*perduellio*» стало дополнительно обозначать и преступления против республиканского устройства государства: стремление к единовластию, противозаконное присвоение себе высшей власти или злоупотребление ею. В последующем, с I в. до н.э., преступления «*perduellio*» стали разновидностью «*crimen maiestatis*» (преступлений против величия)²⁷.

Кроме повешения, наказаниями за «*perduellio*» служили свержение с тарпейской скалы и отсечение головы. С течением времени эти наказания были заменены на *aquae et ignis interdictio* («запрет воды и огня», «лишение воды и огня навсегда», то есть изгнание)²⁸. Такая мера предусматривалась, в частности,

законом Юлия Цезаря о величии 46 г. до н.э. В последующем ей на смену пришла смертная казнь с конфискацией имущества в казну, которая была установлена конституцией Аркадия и Гонория 397 г.²⁹

Летописи свидетельствуют о том, что на Руси за перевет, как и в Древнем Риме в случаях «*perduellio*», к преступникам по решению веча или князя применялось причинение смерти через повешение или сбрасывание с моста в реку (после предварительных побоев). При этом исследователями установлена генетическая связь между формами наказания переветников и известным еще Русской правде «поток и разграблением»³⁰.

3. Заслуживает специального рассмотрения вопрос о правовых последствиях перевета, о которых говорит Псковская судная грамота.

Предписание «переветнику живота не дати» обычно трактуется как «казнить смертной казнью». Положение о том, что Псковская судная грамота предусматривает смертную казнь за «тяжкое воровство, зажигательство и измену», было сформулировано еще в XIX веке первыми исследователями этого правового акта И. Е. Энгельманом и Ф. Н. Устряловым³¹.

Принято считать, что соответствующая статья Псковской судной грамоты «вводит новый вид наказания, не знакомый Русской Правде, – смертную казнь»³². Утверждается, что «Псковская судная грамота явилась своеобразной вехой в развитии законодательства о смертной казни. Впервые... к действию смертной казни была отнесена целая группа преступных деяний»³³.

При этом Ю. Г. Алексеев отмечает, что в Псковской судной грамоте смертной казнью заменен известный Русской правде «поток и разграбление». «Поток и разграбление – лишение гражданских и политических прав, т.е. гражданская смерть. Человек, объявленный вне закона, потерявший все социальные связи, становится беспомощным и беззащитным. Имущество его предается грабежу, сам он может быть немедленно и безнаказанно убит, а семья его продана в рабство. Фактически это

²³ Лат. *perduellis* – неприятель; *perduellio*–1) нападение, вторжение; 2) измена отечеству. См.: Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права: По изданию 1896 г. М., 1998. С. 403.

²⁴ Червонецкий Д. А. Указ. соч. С. 2.

²⁵ Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989. С. 242.

²⁶ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2007. CD-ROM.

²⁷ По определению Ульпиана, «преступлением против величия является то, которое совершается против римского народа или его безопасности» (Dig. 48.4.1.).

²⁸ Любкер Ф. Указ. соч.

²⁹ См.: Щеголев А. В. Закон Юлия об оскорблении величия в кодексе Юстиниана // Древнее право. 1999. № 1. С. 111.

³⁰ Оспенников Ю. В. Перевет и поджог в древнерусском праве // Право и политика. 2008. № 6. С. 1519–1520.

³¹ Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1855. С. 70; Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб., 1855. С. 57–59.

³² Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 349.

³³ Памятники российского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси. М., 2013. С. 22.

смертная казнь с конфискацией имущества... Суть ее – изгнание преступника из того мира, в котором он живет и принадлежность к которому определяет его социальное лицо...»³⁴.

Таким образом, «поток и разграбление» включал меры как личного, так и имущественного характера. Смертная казнь пришла на смену личной составляющей этого наказания. Однако при ее назначении не вполне ясным оставался вопрос о судьбе имущества преступника.

Этот вопрос вставал и в тех случаях, когда смертная казнь по тем или иным причинам (например, из человеколюбия, под влиянием «печалования» церковных иерархов) не применялась. От судьбы имущества преступника зависела и его способность выкупить свою жизнь. Ведь возможность откупиться от смертной казни, как и предшествовавшая ей возможность откупиться от кровной мести, с давних времен допускалась правовыми обычаями. Как подметил Р.Л.Хачатуров, еще в договоре Руси с Византией 911 г., который предписывал кровную месть для убийцы, предусматривалась и его возможность откупиться от наказания³⁵.

Как представляется, правило «живота не дати» как раз и характеризует имущественные последствия перевета и других указанных в соответствующей статье Псковской судной грамоты преступлений.

4. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в древнерусских нормативных актах слово «живот», как правило, употреблялось в значении «имущество»³⁶. При этом в большинстве случаев речь идет об имущественных отношениях в семье применительно к наследственному праву.

Так, в Уставе князя Владимира среди «церковных судов», т.е. дел, отнесенных к церковной юрисдикции, названы «промежи мужем и женою о животе», что обычно трактуется как споры между супругами об имуществе³⁷. В Новгородском Уставе князя Всеволода к этим делам добавлен «суд о бездетном животе», то есть о наследстве человека, не имеющего детей – прямых наследников. В дополнительных статьях этого Устава речь идет о «прелюбодейной части в животе», то есть о части наследства, выделяемой незаконной жене и ее детям.

Самостоятельная норма Устава была посвящена ответственности виновных в порче торговых мерил (весов). Она предполагала не только казнь, но и передачу имущества церквям: «того казнити близко смерти, а живот его на-трое: треть живота святей Софии, а другая треть святому Ивану, а третья треть сочьским и Новгороду».

В самой Псковской судной грамоте в семи статьях речь идет о «животе» как о переходящем по наследству имуществе. В ст. 14 говорится о поиске среди наследуемого имущества («живота») тех вещей, которые ранее были переданы умершему на хранение другими лицами, а также о переходе долговых обязательств умершего на наследников. В статьях 84, 87 идет речь о судьбе имущества «изорника» («живот изорнич»), то есть человека, работавшего на земле «государя» (хозяина) и имевшего перед последним долги. Статьи 88 и 89 регулируют порядок наследования между супругами их «отчины» (полученного от собственных родителей) и «живота» (нажитого имущества). Статья 100 говорит об имуществе, которое должно передаваться по наследству, однако по воле человека «перед смертию» было передано племяннику.

Как видим, в проанализированных актах «живот» – это нажитое при жизни человека имущество, которое является предметом наследственных отношений. После смерти собственника его судьба решается церковными и светскими властями, которые могут определить, кому и в какой пропорции передавать подлежащее наследованию имущество («живота дати»).

Изложенное позволяет предположить, что правило «переветнику живота не дати» означает не только и не столько смертную казнь. Как представляется, принципиальная возможность назначения смертной казни здесь как бы подразумевается. Она считается уже установленной.

При этом нельзя не учитывать религиозный характер правовой системы Древней Руси. Ведь с точки зрения христианской правовой идеологии правомерное причинение человеку смерти должно было иметь религиозное обоснование. Ни составители Псковской судной грамоты, ни автор одного из ее источников – великий князь не могли присвоить себе право ввести норму о причинении смерти в качестве наказания. Эта мера устанавливалась только царем. Только царь мог дать Закон (в его христианском понимании), тем более закон о смертной казни. Князь же формировал Правила, вытекающие из закона и конкретизирующие его применительно к полномочиям властей.

В древнерусский период сама возможность смертной казни, как представляется, определялась законами царей: греческих (Градский закон и др.) и ордынских (Ярлыки).

³⁴ Алексеев Ю. Г. Указ. соч. С. 46–47.

³⁵ Хачатуров Р. Л. Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988. С. 113–114.

³⁶ Это отражено, в частности, в предметно-терминологическом указателе к книге «Законодательство Древней Руси» из многотомника «Российское законодательство X–XX веков». См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 405.

³⁷ Там же. С. 140, 145, 149.

Перевет как преступление по своей сути и содержанию соответствовал деяниям, предусмотренным главой 17 грани 39 Градского закона (включенного в Кормчую книгу): «Иже к ратным своею волею от нас приходяще и наши советы возвещающе им, на виселицах повешаются или сожигаемы бывають»³⁸. Именно эта норма и санкционировала применение к переветнику смертной казни.

При этом светские и церковные власти определяли имущественные последствия преступления и процессуальные правила рассмотрения дел.

Поэтому можно предположить, что предписание Псковской судной грамоты «живота не дати» означает не смертную казнь, а лишение преступника «нажитого им достояния», а значит и лишение его возможности откупиться от смерти, а также запрет передавать по наследству имущество этого преступника прежде всего имущество движимое, нажитое им при жизни («благоприобретенное»).

Оценивая содержание Псковской судной грамоты как принятого на псковском вече правового акта, следует учитывать, что она представляла собой «только местное дополнение и частичное изменение»³⁹ системы действовавших тогда правовых норм. Их основными источниками были правовые обычаи («псковские пошлыны»), религиозные предписания (Кормчая книга), княжеские решения (грамоты).

При этом основной целью составителей Псковской судной грамоты была регламентация полномочий действовавших в Пскове судов, упорядочение соответствующих процессуальных и имущественных отношений. Содержание грамоты составляли прежде всего нормы гражданского процесса и гражданского права, что было отмечено в работах Ф. Н. Устрялова и большинства последующих исследователей грамоты⁴⁰. Как писал И. Е. Энгельман, при наличии в Грамоте двух начал – публично-правового и частноправового, приоритет принадлежал частноправовому началу⁴¹. В частности, в Псковской судной грамоте была дана детальная регламентация всех судебных пошлин⁴².

По своей конструкции правило «живота не дати» представляет собой запрещающую норму. Она предписывает судьям, к которым преступник мог бы обратиться с просьбой «дать живот», отказать в такой просьбе. Подобные запреты были известны праву других народов как неотъемлемый элемент «изгнания из общины». Так, у южных славян осужденному на «поток» запрещалось давать «исти, или питии, или инуку помочь»⁴³.

Сама возможность решать вопрос о том, «давать или не давать живот», вероятно, обуславливалась существовавшим в Пскове обычаем «хранить запас зерна и движимого имущества вне двора в городе или на посаде, а именно в клети на крому... Эти запасы служили спасением на случай голода и разорения и охранялись. Вероятно, кромские клети запирались... Под защитой крепостных укреплений и Святой Троицы сбережение было надежнее. Юридической охраной служили нормы, отраженные в ПСГ»⁴⁴. После смерти собственника судьба этого имущества решалась властями.

Есть основания полагать, что весь «живот» переветника обращался в пользу общины и распределялся между горожанами. Ведь именно община была в этом случае «коллективным потерпевшим», имевшим право на возмещение причиненного ей вреда.

Здесь интересы общины могли не совпадать с интересами князя, к чьей компетенции, вероятно, относился суд над переветниками. С одной стороны, князь должен был руководствоваться псковскими обычаями. С другой стороны, важнейшей статьей княжеских доходов были виры и продажи, получаемые в результате разрешения судебных дел. Сюда же, вероятно, относились и средства, получаемые от преступника в качестве «выкупа за смерть».

Поэтому княжеский суд мог быть заинтересован в выдаче преступнику его имущества для его последующего использования в качестве выкупа. Правило Псковской судной грамоты «живота не дати» запрещало принимать подобное решение. Для переветника это означало обращение его «живота» в пользу общины и невозможность выкупить свою жизнь.

³⁸ Бенеманский М. О Прохеирос потос императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906. С. 391.

³⁹ Памятники российского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси. М., 2013. С. 19, 246.

⁴⁰ Там же. С. 11.

⁴¹ Энгельман И. Указ. соч. С. 70.

⁴² Памятники российского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси. М., 2013. С. 387.

⁴³ Древнее Хорватско-Далматское законодательство. Б.м.: Изд-во Ф. Леонтовича, 1868. С. 31.

⁴⁴ И. К. Лабутина относит возникновение этого обычая к периоду не позднее XIII в., «когда детинец был единственным надежным укреплением в Пскове и произошло вынесение жилой застройки за его пределы». – См.: Лабутина И. К. Историко-топографический комментарий к Псковской судной грамоте // Псковская судная грамота и российская правовая традиция. Труды межрегиональной научной конференции, посвященной 600-летию юбилею Псковской судной грамоты. Псков, 1997. С. 22.

Выделение категории преступников, лишенных права откупиться от смерти, было известно праву и других государств. Так, в средневековом Китае допускался откуп от смертной казни, как и от иных видов наказаний,⁴⁵. Вместе с тем закон определял перечень наиболее опасных, подрывающих основополагающие устои общества и морали преступлений (так называемые «десять зол» – *ши э*), которые не подлежали обычной амнистии. Среди «десяти зол» первыми назывались три группы наиболее опасных злодеяний, суть которых заключалась в «неисполнении долга подданного» (*бу чэнь*). К ним относились мятеж, бунт и тайная измена своему государству⁴⁶.

Лица, признанные виновными в совершении этих преступлений (их называли «непрощаемыми»), не могли откупиться от наказания⁴⁷.

Кроме того, древнерусское правило «переветнику живота не дати» по характеру последствий для имущества преступника обнаруживает черты сходства с известной римскому праву нормой о «наследственном» характере ряда преступлений, в том числе «преступлений против величия»⁴⁸.

Одним из юридических последствий таких преступлений было не только лишение самого преступника всех имущественных и гражданских прав, но и запрет детям преступника получать из его имущества что-либо в наследство по закону или по завещанию на общих основаниях. Имуществом преступника распоряжалось римское государство⁴⁹.

Требование Псковской судной грамоты «живота не дати» относилось к особо опасным преступлениям, прямо или опосредованно влекущим для псковичей серьезный ущерб, – прежде всего к наиболее опасным хищениям и поджогам. Вероятно, и в отношении перевета жители Пскова на своем опыте убедились в высокой общественной опасности этого деяния, в результате которого многие из них могли лишиться своего имущества.

Таким образом, оказание информационной и иной помощи врагу псковской городской общины (перевет) стало первой разновидностью государственных преступлений, упомянутой в письменных источниках русского права. Расправа с переветниками (повешение и сбрасывание с моста) издревле была известна вечевою и княжескому правосудию Северо-Западной Руси и регламентировалась правовыми обычаями. В христианскую эпоху смертная казнь за перевет в форме повешения и сожжения была санкционирована Градским законом, включенным в Кормчую книгу. Псковская судная грамота не вводила перевет как новый вид преступления и не устанавливала за него смертную казнь как новый вид наказания. Вместе с тем грамота регламентировала имущественные последствия перевета. Она лишала преступника возможности распорядиться нажитым им имуществом («животом»), которое обращалось в пользу городской общины. Это делало для переветника невозможным откупиться от смерти, а также передать имущество по наследству.

Библиография

1. Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. – 243 с.
2. Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989. – 448 с.
3. Бенеманский М. О Прохеирос потос императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906. – 563 с.
4. Древнее Хорватско-Далматское законодательство. Одесса, 1868. – 170 с.
5. Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права: По изданию 1896 г. М., 1998. – 560 с.
6. Законы великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н.П.Свистуновой. Ч.1. М., 1997. – 576 с.

⁴⁵ Законы великой династии Мин. Ч.1. М., 1997. С. 305.

⁴⁶ Кроме отмеченных выше, к категории «десяти зол» относились также «непокорство родственников», «жестокое преступления, противоречащие порядку вещей», «непочтение к родителям», «несогласие между родственниками», «нарушение социальной связи», кровосмесительные половые связи. См.: Там же. С. 309.

⁴⁷ Там же. С. 99.

⁴⁸ О наследственном преступлении говорилось, в частности, в конституции Аркадия и Гонория 397 г. См.: Щеголев А. В. Указ. соч. С. 110.

⁴⁹ Там же. С. 110–111.

7. Лабутина И. К. Историко-топографический комментарий к Псковской судной грамоте // Псковская судная грамота и российская правовая традиция. Труды межрегиональной научной конференции, посвященной 600-летию юбилею Псковской судной грамоты. Псков, 1997. С. 21–26.
8. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2007. CD-ROM.
9. Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. – 208 с.
10. Оспенников Ю. В. Перевет и поджог в древнерусском праве // Право и политика. 2008. № 6. – С. 1517–1520.
11. Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2007. – 549 с.
12. Памятники русского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси. М., 2013. – 408 с.
13. Псковские летописи. Вып. 1. М., 1941. – 148 с.
14. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. – 432 с.
15. Савченко Д. А. «Государю хотети добра во всем»: присяга подданных московскому царю (начало XVII века) // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8. С. 940–946.
16. Савченко Д. А. Обзор русского и литовско-русского законодательства XVII века об ответственности за государственные преступления. Новосибирск, 2013. – 202 с.
17. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 6 (овадь – покласти). М., 2002. – 602 с.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. (Отрава – Персоня). М., 1988. – 311 с.
19. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. Репринтное издание. М., 1989. – 5237 с.
20. Устрялов Ф. Исследование Псковской судной грамоты 1467 г. СПб., 1855. – 194 с.
21. Хачатуров Р. Л. Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988. – 136 с.
22. Червонетский Д. А. Государственные преступления по русскому праву. Юрьев, 1913. – 80 с.
23. Щеголев А. В. Закон Юлия об оскорблении величия в кодексе Юстиниана // Древнее право. 1999. № 1. С. 108–115.
24. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1855. – 199 с.

References

1. Alekseev Yu. G. Pskovskaya sudnaya gramota i ee vremya. L., 1980. – 243 syu.
2. Bartoshek M. Rimskoe pravo: (ponyatiya, terminy, opredeleniya). M., 1989. – 448 s.
3. Benemanskii M. O Proxeipoc nomoc imperatora Vasiliya Makedonyanina. Ego proiskhozhdenie, kharakteristika i znachenie v tserkovnom prave. Vyp. 1. Sergiev Posad, 1906. – 563 s.
4. Drevnee Khorvato-Dalmatskoe zakonodatel'stvo. Odessa, 1868. – 170 s.
5. Dydynskii F. M. Latinsko-russkii slovar' k istochnikam rimskogo prava: Po izdaniyu 1896 g. M., 1998. – 560 s.
6. Zakony velikoi dinastii Min so svodnym kommentariem i prilozheniem postanovlenii (Da Min lyui tszi tsze fu li). Per. s kit., issled., primech. i prilozh. N.P.Svistunovoi. Ch.1. M., 1997–576 s.
7. Labutina I. K. Istoriko-topograficheskii kommentarii k pskovskoi sudnoi gramote // Pskovskaya sudnaya gramota i rossiiskaya pravovaya traditsiya. Trudy mezhregional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 600-letnemu yubileyu Pskovskoi sudnoi gramoty. Pskov, 1997. S. 21–26.
8. Lyubker F. Real'nyi slovar' klassicheskikh drevnostei. M., 2007. CD-ROM.
9. Martyshevich I. D. Pskovskaya sudnaya gramota. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie. M., 1951. – 208 s.
10. Ospennikov Yu. V. Perevet i podzhog v drevnerusskom prave // Pravo i politika. 2008. № 6. – S. 1517–1520.
11. Ospennikov Yu. V. Pravovaya traditsiya Severo-Zapadnoi Rusi XII-XV vv. M., 2007. – 549 s.
12. Pamyatniki rossiiskogo prava. V 35 t. T. II. Pamyatniki prava udel'noi Rusi. M., 2013. – 408 s.
13. Pskovskie letopisi. Vyp. 1. M., 1941. – 148 s.
14. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9 t. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi. M., 1984. – 432 s.
15. Savchenko D.A. «Gosudaryu khoteti dobra vo всем»: prisyaga poddannyykh moskovskomu tsaryu (nachalo XVII veka) // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2013. № 8. S. 940–946.
16. Savchenko D. A. Obzor russkogo i litovsko-russkogo zakonodatel'stva XVII veka ob otvetstvennosti za gosudarstvennye prestupleniya. Novosibirsk, 2013. – 202 s.
17. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): V 10 t. T. 6 (ovad' – poklasti). M., 2002–602 s.
18. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 14. (Otrava – Personya). M., 1988. – 311 s.
19. Sreznevskii I. I. Slovar' drevnerusskogo yazyka. V 3 t. Reprintnoe izdanie. M., 1989. – 5237 s.
20. Ustryalov F. Issledovanie Pskovskoi Sudnoi gramoty 1467 g. SPb., 1855. – 194 s.
21. Khachaturov R. L. Mirnye dogovory Rusi s Vizantiei. M., 1988. – 136 s.
22. Chervonetskii D. A. Gosudarstvennye prestupleniya po russkomu pravu. Yur'ev, 1913. – 80 s.
23. Shchegolev A. V. Zakon Yuliyi ob oskorblenii velichiya v kodekse Yustiniana // Drevnee pravo. 1999. № 1. S.108–115.
24. Engel'man I. Sistematischeskoe izlozhenie grazhdanskikh zakonov, soderzhashchikhsya v Pskovskoi sudnoi gramote. SPb., 1855. – 199 s.

Материал поступил в редакцию 22 января 2014 г.